

Решение проблемы религиозного языка и стиля в славянской теолингвистике

ALEKSANDER GADOMSKI

(Opole)

<https://doi.org/10.25167/Stylistyka26.2017.15>

Начало 90-х годов XX столетия ознаменовалось тем, что в славянском языкознании активизировались исследования, связанные с проблемой „язык и религия”. В славянской (польской, русской, украинской) теолингвистике начали активно исследоваться явления, для обозначения которых используются многочисленные термины „религиозный язык”, „религиозный стиль”, „библейский стиль”, „собственно библиейский стиль”, „оригинальный библиейский стиль”, „первичный библиейский стиль”, „этнический библиейский стиль”, „духовная речь”, „сакральный язык”, „культовый язык”, „язык сакрума”, „религиозный дискурс”, „религиозный стиль”, „религиозное употребление языка”, „конфессиональный стиль”, список которых может быть продолжен. Сам факт наличия такого количества терминов свидетельствует о том, что проблема религиозного стиля и религиозного языка в современной славянской теолингвистике не решена, а ученые по этому вопросу не имеют единого мнения. Поэтому считаем необходимым еще раз обратить внимание на проблему взаимодействия религиозного языка и религиозного стиля в польской, русской и украинской теолингвистике и предложить свой вариант ее решения.

1. Религиозный стиль

1.1. Исследование религиозного стиля в польской теолингвистике

В 1992 году одними из первых в современной славянской теолингвистике о названной проблеме „официально” заявили словацкий лингвист Й. Мистрик и польская исследовательница М. Войтак, опубликовавшие свои работы в научном издании Опольского университета „Стилистика” („*Stylistyka*”) (Mistrik 1992: 82–89; Wojtak 1992: 90–97).

В 1995 году М. Макуховска в работе *Религиозный стиль (Styl religijny)* обратила внимание на тот факт, что о религиозном стиле не упоминается ни в одной из многочисленных типологий разновидностей (вариантов) современного польского языка, и что при нынешнем уровне знаний многие современные языковеды были бы против внесения таких дополнений в эти типологии. В своей статье она оперирует терминами „религиозный стиль” и „религиозный язык”, но, в принципе, не разделяет их. Работа ценна не только своей новизной, но еще и тем, что содержит порядка 250 источников на тему религиозного языка и религиозного стиля, послуживших базой для дальнейших исследований (Makuchowska 1995: 449–459).

В 2001 году Е. Бартмински в работе *Язык в контексте культуры (Język w kontekście kultury)* отмечал, что „религиозный стиль базируется на собственной концепции мира и собственной рациональности и использует языковые знаки специфическим образом” (Bartmiński 2001: 19).

Следует также сказать о книге Д. Беньковской *Польский библейский стиль (Polski styl biblijny)* (Bieńkowska 2002), которая наряду с художественным, научным и другими стилями языка выделяет религиозный стиль и так же, как и М. Макуховска, употребляет термины „религиозный язык” и „религиозный стиль” как синонимы. Появление библейского стиля в польском языке она объясняет сохранением в нем элементов древнееврейского, древнегреческого языков – языков, с которых была переведена Библия на польский язык. Разновидностями религиозного стиля, по ее мнению, являются библейский стиль, стиль проповедей, стиль молитв (Bieńkowska 2002: 11). Исследовательница также употребляет такие термины, как „собственно библейский стиль”, „оригинальный библейский стиль”, „первичный библейский стиль”, „этнический библейский стиль” и дает им объяснение (Bieńkowska 2002).

В работе в М. Войтак *Религиозный стиль в генологической перспективе* (*Styl religijny w perspektywie genologicznej*) можно найти более подробное описание религиозного стиля применительно к каждой жанровой разновидности религиозного языка. По ее мнению, „экспликация понятия «религиозный стиль» невыполнима в рамках одной научной дисциплины. Отдельная дисциплина, независимо от степени точности своего исследовательского инструментария, может только приблизиться к феномену, определяемому как религиозный язык, сакральный язык, культовый язык, язык сакрума, религиозный дискурс, религиозный стиль, религиозное употребление языка и т.д.” (Войтак 2003; Wojtak 2004).

Комплексное описание польского религиозного стиля и религиозного языка дают работы Д. Здункевич-Едынак. Наиболее полную информацию по данному вопросу можно найти в ее *Лекциях по стилистике* (*Wykłady ze stylistyki*), в разделе „Религиозный язык” („Język religijny”) (Zdunkiewicz-Jedynak 2008: 107–126). Исследовательница также указывает на то, что основная (центральная) составляющая польского религиозного языка – это польский библейский стиль, который является „колыбелью” польского религиозного языка (Zdunkiewicz-Jedynak 2008: 108).

Названный автор пишет о том, что религиозный язык – это явление неоднородное, с „ядром” и „периферией” и описывает иерархию его вариантов. Огромной заслугой Д. Здункевич-Едынак является то, что она не только представила основные направления исследований польских языковедов в этой области, но и обосновала разделение двух таких важных понятий, как „религиозный язык” и „библейский стиль” (Zdunkiewicz-Jedynak 2008: 107–126).

Следует отметить, что в польском языкознании исследования в этой области проводились до недавнего времени преимущественно на материале христианства и были связаны прежде всего с католицизмом. Однако в последнее время наметились отступления от этой традиции, о чем свидетельствует издание в 2011 году монографии М. Макуховской *От врагов до братьев. Послесоборные изменения в дискурсе Католической церкви* (*Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego*) (Макуховская 2011). В работе описываются изменения, которые произошли в результате изменения отношения Костела к трем категориям не католиков: христианам других конфессий, представителям других религий (иудеям, мусульманам, последователям политеистических ре-

лигий) и неверующим (Makuchowska 2011). В работе анализируются соответствующие тексты, и как следствие, религиозный язык и религиозный стиль представителей названных групп.

1.2. Исследование религиозного стиля в российской теолингвистике

90-е годы XX столетия на территории бывшего Советского Союза ознаменовались тем, что многие русскоговорящие граждане распавшегося государства обратились к вере. Вследствие чего начал возрождаться соответствующий пласт русского языка. Ученые заговорили еще об одном стиле русского языка.

В 1994 году Л. П. Крысин в статье *Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка* поставил вопрос о необходимости выделения и описания особого функционального стиля, употребляемого в религиозной коммуникации – религиозно-проповеднического стиля (Крысин 1994: 69–79).

В 1996 году, отмечая своеобразие коммуникации в сфере религии, он обратил внимание на то, что религиозно-проповеднический стиль представлен такими жанрами, как поучение, молитва, притча, исповедь, проповедь (Крысин 1996: 135–138).

Идеи Л. П. Крысина получили продолжение в работах И. В. Бугаевой, А. А. Волкова, С. Г. Макаровой, О. А. Прохвятиловой, Т. В. Ицкович и других российских ученых (Бугаева 2005: 3–11; 2010; Волков 2001; Ицкович 2016; Макарова 2001; Прохвятилова 1999; 2006 и др.).

И. В. Бугаева в работе *Стилистические особенности и жанры религиозной сферы* проанализировала научную полемику в этой области в русском языкознании и пришла к выводу, что термин „религиозно-проповеднический стиль» не совсем удачен, поскольку проповедь – всего лишь один из жанров среди других, таких как «слово», «поучение», «послание», «житие» и другие. В названии ни одного из стилей нет жанровой составляющей (официально-договорной, газетно-репортажный и т.п.)» (Бугаева 2005: 4).

В 1999 году О. А. Прохвятилова в работе *Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи* отмечала, что на сегодняшний день имеются описания таких жанровых разновидностей современной „духовной речи», как проповедь, молитва, церковное послание

и другие, многие из которых требуют уточнения и дополнения (Прохватилова 1999). В своих работах О. А. Прохватилова также ссылается на труды лингвистов старшего поколения, занимавшихся названной проблемой.

Как отмечал А. А. Волков, важным является признание учеными наличия самостоятельного функционального стиля, связанного с религиозной сферой, и „имеет смысл говорить о духовной речи, как особом функциональном стиле русского литературного языка, лингвистическое отличие которого от других функциональных стилей, основанных только на современном русском языке, состоит в синтезе церковнославянской и русской речи” (Волков 2001: 287–288).

С. Г. Макарова в работе *Функциональные стили русского и французского языков (своеобразие научного стиля французского языка)* отмечает, что „религиозный стиль объективно может быть выделен исходя из своей экстралингвистической основы – религии как одной из форм общественного сознания. Существование данного стиля не вызывает сомнений (хотя он и представляет достаточно замкнутую систему), он существует и в письменном, и в устном коде языка, но традиционно отечественная стилистика, исходя из идеологических соображений, никогда не включала его в систему функциональных стилей” (Макарова: 2001: 114).

В 2006 году О. А. Прохватилова обратила внимание на экстралингвистические особенности религиозного стиля (Прохватилова 2006: 20). Система языковых средств „духовной речи”, по мнению О. А. Прохватиловой, пронизана архаичными компонентами всех уровней, которые в сочетании с единицами современного русского литературного языка создают ее стилистическое своеобразие (Прохватилова 2006: 23).

Нельзя не сказать о докторской диссертации И. В. Бугаевой *Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития*, защищенной в 2010 году. „Изучение языка верующих, – по ее мнению, – сравнительно новая тема для отечественной лингвистики. Причин этому несколько. Первая – политическая, то есть господство атеистической идеологии в годы советской власти. Вторая – научная, так как только в конце 90-х годов прошлого века вектор научных интересов повернулся в сторону религиозной проблематики. Для наиболее полного и всестороннего описания речи православных верующих многоаспектный междисциплинарный подход также важен потому, что предполагает интегрированное представление исследуемого материала и привлечение сведений из

различных областей научного знания, таких как богословие, история церкви, религиоведение, философия, культурология, психология, когнитология, социолингвистика” (Бугаева 2010).

Следующим этапом исследований русского религиозного стиля стало описание его жанров, что позволило ставить вопрос об осмыслении принципов жанровой систематизации, выделении конструктивного принципа религиозного стиля (Ицкович 2016). Так, в докторской диссертации *Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях* Т. В. Ицкович выделяет прототекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля, полагая, что его онтологическим основанием служит двоемирие и спасение как характерологические черты религиозного сознания и религиозной деятельности, соответственно. „Религиозный функциональный стиль характеризуется конструктивным принципом прототекстуальности, позволяющим проецировать религиозное мировоззрение на текст. Каждый новый религиозный текст создается с прямой опорой на канонический образец (прототекст). Каждый современный религиозный жанр имеет канонический прототип” (Ицкович 2016: 10). Т. В. Ицкович путём сопоставления евангельских текстов между собой и с однотипными единицами открытой современной религиозной текстосферы показывает протожанровую основу религиозного функционального стиля, которую составляет триада жанров: молитва, проповедь, житие. „Все они отражают фундаментальное религиозное представление о сосуществовании двух миров (сакрального и профанного) и характеризуются благоговейной тональностью; каждый из них отличается собственным набором текстовых характеристик” (Ицкович 2016).

В русском языкознании исследования религиозного стиля связаны прежде всего с христианством (преимущественно с православием). Однако наметились тенденции к исследованию религиозного стиля проповедей нехристианских религий (Файзуллина 2016: 437–443 и др.).

1.3. Исследование религиозного стиля в украинской теолингвистике

По нашим наблюдениям, первые работы украинистов, проводивших исследования в данном направлении, были изданы в Польше и США

в 30–60-х годах XX столетия (Грицак 1934: 34–38; Ковалів 1964: 77). Затем последовал перерыв. В современной украинской теолингвистике работы по исследованию религиозного языка и стиля начали проводиться после многолетнего перерыва в конце 90-х годов XX столетия.

Названной проблеме посвящены работы Н. Бабич, Ю. И. Браилко, И. С. Грималовского, А. А. Ковтун, С. В. Лукьянчук, В. В. Нимчука, Ю. В. Осинчука, И. В. Поддубной, Н. В. Пуряевой, М. В. Скаб и других исследователей.

На сегодняшний день в украинском языкознании наиболее популярным является термин „конфессиональный стиль”. Но отношение к нему ученых неоднозначно.

Н. Бабич для обозначения стиля, который имеет отношение к религиозной сфере жизни общества, параллельно использует термины „сакральный”, „конфессиональный” и „богословский”, но при этом отмечает, что термин „богословский стиль” охватывает лишь те лексические единицы, которые связаны: 1) с церковью (храмом, его обустройством) 2) с приходом, 3) с праздниками, 4) с чинопоеданиями (Бабич 1998: 163). Термин „сакральный” исследовательница также считает более узким, чем „конфессиональный”. Из этого понятия, по ее мнению, выпадает часть религиозной литературы, например, катехизическая (учебно-методическая) (Бабич 1998: 167).

В. В. Нимчук считает, что если термин „богословский стиль” уместно употреблять для обозначения стиля, которым написаны теологические сочинения, поскольку „теология – это наука, то богословский стиль можно рассматривать как специфический фрагмент научного стиля речи (Німчук 1999: 5–10).

По мнению Л. Л. Шевченко, конфессиональный стиль (от лат. *confessio* – признание) – это стилевая разновидность украинского языка, которая обслуживает религиозные потребности общества. Это стиль переводной культовой (Библия, жития, апокрифы и т.д.) и оригинальной (проповеди, послания, толкование Священного Писания, молитвы, составленные священнослужителями Украинской церкви) литературы (Шевченко 2000: 252–253).

Авторы учебника *Стилистика украинского языка (Стилістика української мови)* отмечают, что сферой распространения конфессионального стиля являются культовые учреждения: церкви, монастыри, скиты, теологические учебные заведения, молитвенные дома, религиозные общины,

верующие семьи. Главное назначение конфессионального стиля – помогать верующим в общении их душ с Богом, объединять верующих одним чувством искренней веры в Бога (Мацько и др. 2003: 288).

Н. Дзюбішина-Мельник основными конститутивными признаками конфессионального стиля считает торжественность и стандартность. Исследовательница выделяет стилевые варианты этой функциональной разновидности языка: 1) орфографическо-нормативную вариативность, 2) вариативность, связанную с переводным характером основного сакрального текста – Библии, 3) вариативность, обусловленную различными стилистическими ориентациями авторов переводов, а также оригинальных религиозных сочинений (Дзюбішина-Мельник 1999: 185).

В основном исследователи украинского конфессионального стиля связывают его появление с попытками перевода на украинский язык знаковых для христианства богослужебных книг, и прежде всего Священного Писания. Украинские переводы канонических текстов сохранились с XV века. Ведь от начала введения христианства на Руси (988 г.) и до XV века единственным господствующим конфессиональным языком у восточных славян был церковнославянский. В середине XVI века на украинский язык уже были переведены Новый Завет (Пересопницкое Евангелие, 1556–1561) и его списки, Евангелие В. Негалевского (1581), Креховский Апостол (60-е годы XVI в.) и другие. Печатались также проповеди, ораторские и теологические сочинения, духовная поэзия, религиозные песни (Русанівський, Тараненко 2004: 273).

Как замечает Ю. В. Осінчук, для украинской Церкви переход на украинский язык означал прежде всего преодоление традиционной языковой обособленности (Осінчук 2008: 10–48).

В конце 90-х годов XX столетия Н. Дзюбішина-Мельник обратила внимание на две тенденции в развитии украинского конфессионального стиля.

Первая тенденция – это тенденция к ориентации конфессионального стиля современного украинского литературного языка на церковнославянские языковые ресурсы. Исследовательница признает за ней историческое первенство и продолжительность развития от середины XIX века. Эта тенденция остается доминирующей в богослужебных книгах Украинской греко-католической церкви (Дзюбішина-Мельник 1999: 193).

Сущность второй, противоположной, тенденции заключается в максимальной ориентации конфессионального стиля на внутриязыковые (соб-

твенно украинские) ресурсы (Дзюбішина-Мельник 1999: 194). Начало ее действия приходится на момент создания Украинской автокефальной православной церкви (начало XX века). Она была характерна для Украинской автокефальной православной церкви как в период ее деятельности за пределами Украины (в диаспоре), так и в период восстановления этой церкви на Украине. Отметим, что в настоящее время „украиноязычную” ориентацию поддерживает и Украинская православная церковь Киевского Патриархата. В ходе сравнения названных тенденций, Н. Дзюбішина-Мельник приходит к выводу, что „вторая тенденция стимулирует развитие стиля в контексте современного украинского литературного языка, в то время как первая актуализирует созидательные ресурсы стиля” (Дзюбішина-Мельник 1999: 197).

По мнению В. В. Німчука, „*конфессиональный* или религиозный стиль” – это стиль литературы, связанной с реалиями и деятельностью конфессий, религий. В его составе выделяется сакральный стиль или подстиль, который функционирует в религиозных службах, обрядах, священных книгах определенных конфессий (Німчук 1999: 5–10).

В 1998 году участниками всеукраинской научной конференции „Современная украинская богословская терминология: от исторических традиций к новым концепциям” („Сучасна українська богословська термінологія: від історичних традицій до нових концепцій”) было внесено предложение „пересмотреть целесообразность применения термина «конфессиональный стиль» как логически неправильного и концептуально несоответствующего современной церковной речи” (*Сучасна українська богословська...* 1998: 346).

Н. В. Піддубна предложила использовать термин религиозный стиль (Піддубна 2000: 32). Однако это еще не стало традицией. Достаточно посмотреть на годы издания цитируемых в настоящей статье работ ряда авторов, в которых идет речь о профессиональном стиле (Лук'яничук 2008: 15–20; Шевченко 2000: 252–253; Німчук 1999: 5–10; Мацько и др. 2003; Дзюбішина-Мельник 1999: 184–200 и др.).

И. С. Грималовський, рассуждая о причинах многообразия терминов, указывает на тот факт, что у большинства авторов этот стиль должен охватывать письменные источники всех религий, а ассоциируется с христианской верой (Грималовський 2006: 54). Украинцы себе этого позволить не могут, прежде всего, потому, что украинский язык функционирует

в условиях поликонфессиональности (православная церковь (Московского и Украинского патриархата), греко-католическая церковь и римско-католическая), не говоря уже о других конфессиях. Поэтому И. С. Грималовский считает, что тот стиль, который в языковедческих трудах именуют конфессиональным, нужно называть христианским (Грималовский 2006: 57) и следует разделить на подстили (Грималовский 2006: 58).

Основные направления представленных исследований выглядят следующим образом.

1. В систему описанных ранее стилей включен религиозный стиль.
2. Его появление, как правило, связывается с попытками перевода на национальные языки знаковых для христианства богослужебных книг.
3. Предпринимаются попытки определения названного явления и его особенностей.
4. Делаются выводы о том, что религиозный стиль – это результат насыщения национального языка церковнославянскими элементами.
5. Анализируется терминология, используемая для описания религиозного стиля. Невзирая на ее многообразие, склоняются к тому, чтобы называть этот стиль религиозным, хотя эта практика еще не стала всеобщей.
6. Указывается на необходимость разработки методологии и более детального описания религиозного стиля.
7. Описываются критерии выбора материала и объекта исследований (стиль конкретной религии или стиль религии в целом).
8. Религиозный стиль признается явлением не только конкретного языка, связанного с конкретной религией, а явлением универсальным, хотя в основном исследования ведутся на материале христианства. В то же время лингвистические проблемы, связанные с нехристианскими религиями, разработаны в меньшей степени.

2. Религиозный язык

В польском языкознании наряду с термином „религиозный стиль” функционирует термин „религиозный язык”. Появление термина „религиозный язык”, по мнению И. Палуцкой, стало возможным благодаря функционированию в польском языкознании ряда терминов, модель которых была описана в 1953 году З. Клеменевичем. Ученый отмечал, что „в терминах

«язык художественный», «язык научный», «язык лодочников», первая их часть сокращенно обозначает «польский язык», а вторая часть указывает на его дифференциальные особенности, базирующиеся обычно на существовании отдельной группы лексики, связанной с конкретной сферой жизни» (Klemensiewicz 1953. Цит. по: Pałucka 2000: 183). В настоящее время, как показывает практика, исследования религиозного языка не ограничиваются исследованиями только религиозной лексики.

По мнению Д. Здункевич-Едынак, до 1989 года в Польше исследования религиозного языка имели маргинальный характер. Однако к концу XX века появились многочисленные работы диахронического и синхронического характера (Zdunkiewicz-Jedynak 2008: 107).

Диахронические исследования были связаны прежде всего с генетическими исследованиями лексики (Kreja 1999). Спектр исследований по религиозному аспекту польского языка широк: от описания и оценки роли католической церкви в истории польского языка по сакральное и духовное начала в истории, культуре и языке поляков (Rospond 1985).

Новая политическая ситуация в начале 90-х годов открыла дорогу для синхронических исследований. Языковеды в первую очередь начали обращать внимание на специфический семантический код религиозного языка (А. Вежбицкая) и исследование семантики отдельных слов (работы Д. Беньковской, Р. Гжегорчиковой, Я. Пузынины, Я. Самбор) (Zdunkiewicz-Jedynak 2008: 107).

Как отмечают А. Грейле, Э. Кухарска-Драйсс, М. Макуховска, „на рубеже XX–XXI веков в Польше вышли в свет многочисленные работы, посвященные общим аспектам религиозного языка. Основные темы – это условия, в которых используется этот язык; задачи, которые он должен выполнять; широкий спектр разновидностей и разнообразие факторов, обуславливающих представление отдельных текстов. Поднимаются вопросы методологии и изучения религиозного языка. Но прежде всего, естественно, было определено, что следует понимать под термином «религиозный язык» и какие тексты подпадают под это определение» (Greule, Kucharska-Dreiß, Makuchowska 2005).

Начало новым исследованиям „религиозного языка” в Польше положила языковед из Кракова И. Баерова, которая была инициатором конференций на эту тему. Затем в 1988 году в Люблине под редакцией М. Карплюк и Я. Самбор вышел в свет сборник *О религиозном языке*.

Избранные вопросы (O języku religijnym. Zagadnienia wybrane) (Karpluk, Sambor 1988), в котором были опубликованы доклады, прозвучавшие на конференции. Пять лет спустя И. Баерова, М. Карплюк, З. Лешински издали следующий том этой серии *Язык и христианство (Język a chrześcijaństwo)* (Bajerowa, Karpluk, Leszczyński 1993).

И. Баерова отмечала, „что религиозный язык является одним из вариантов общенародного языка [...], который мы выделяем не на основании формы, а на основании функции. Этой функцией является служение той категории жизни общества, которую мы называем религиозной жизнью” (Bajerowa 1994: 11; 1995: 102).

Уже через несколько лет многие высшие учебные заведения в городах Люблин, Лодзь, Ополе, Тарнов, Познань, Гданьск провели симпозиумы по религиозному языку. Религиозный язык в качестве важной составляющей естественного польского языка подвергался тщательному анализу на конгрессах по культуре польского языка, которые проводились в 1995–2003 годах, а также описывался в ряде научных работ по польскому языку (Przyczyna, Siwek 1999: 130–148; Zeler 1999: 149–165). Помимо этого, польский религиозный язык рассматривался в общеславянском и общеевропейском контекстах (Gajda, Sobeczko 1998; Woźniak 2000). Конференции в Познани и Лодзи проводились регулярно („Język religijny dawniej i dziś” 2004; 2005; 2007; 2009; 2009).

Тем не менее „высказывались сомнения, что такой самостоятельный феномен, как «религиозный язык» вообще не существует, поскольку каждый религиозный жанр можно соотнести с каким-либо светским жанром. В данной ситуации проповедь может быть рассмотрена как публичное выступление; церковные песнопения – как поэзия; а катехизис – всего лишь как текст дидактического содержания” (Greule, E. Kucharska-Dreiß, M. Makuchowska 2005: 73–91).

Д. Здункевич-Едынак обращает внимание на то, что „религиозность является скорее функцией текста, нежели языка как кода [...]. Язык в целом имеет в своем арсенале средства, которые в первую очередь используются в текстах, выполняющих религиозную функцию. К этим средствам относится прежде всего лексика [...]. Введение в текст религиозной лексики не определяет его религиозной функции [...]. Парадоксально, но отсутствие религиозной лексики в последнее время тоже не определяет нерелигиозной функции языка” (Zdunkiewicz-Jedynak 2008: 42).

На сегодняшний день в польском языкознании авторами энциклопедического определения религиозно языка являются И. Баерова и Я. Пузынина. По их мнению, „в более узком значении религиозный язык – это язык моральной и догматической теологии, а также язык ритуальный (литургический язык христианства), язык личных молитв, священных текстов (Библия), проповедей, произведений религиозной художественной литературы.

В более широком значении религиозный язык – это также разговорный язык, содержащий высказывания о Боге и отношении людей к Богу, а также язык текстов на религиозную тему – например, текстов по истории, социологии и психологии религии” (Bajerowa, Puzynina 2000: 19–20).

Невзирая на разногласия ученых, термин „религиозный язык” занял свое место в науке и вошел в энциклопедии, изданные на английском, немецком (Crystal 1995: 385), польском (Bajerowa, Puzynina 2000: 19–20), русском (Василенко 1996: 132), украинском (*Християнство й українська мова* 2000) и других языках.

Анализ теоретического материала, часть которого представлена в настоящей статье, безусловно, вызывает вопрос: чем же все-таки является религиозный язык – средством общения, текстом, функцией, формой, содержанием? Думаем, что с каждым из этих положений в какой-то мере можно согласиться.

Здесь хотелось бы обратиться к выводу А. Грейле, Э. Кухарской-Драйс и М. Макуховской, которые считают, что „одной из принципиальных методологических предпосылок является то, что в религиозном языке отражается собственная картина мира” (Greule, Kucharska-Dreiß, Makuchowska 2005: 73–91).

Со своей стороны мы бы также хотели обратить внимание на тот факт, что феномен религиозного языка, по нашему мнению, связан, прежде всего, с проблемой картины мира – концептуальной (научной) и языковой (наивной) (Гадомский 2008), а также ее языковыми средствами – теонемами. Считаю, что, наличие мира религии, отражение его в концептуальной и языковой картинах мира религии с использованием соответствующих языковых единиц (теонем) дают нам возможность говорить о таком феномене как религиозный язык (Гадомский 2006; Gadomski 2007).

Если подытожить то, что исследователи говорят о религиозном языке, то следует обратить внимание на следующие моменты.

1. Религиозный язык – это средство коммуникации человека с Богом и верующих людей друг с другом.
2. В религиозном языке отражается собственная картина мира.
3. Религиозный язык использует арсенал языковых средств (теонем), служащих для создания языковой картины мира.
4. Допустимо говорить о религиозном языке в широком и узком понимании.
5. Религиозный язык – явление неоднородное: имеет ядро и периферию.
6. Религиозный язык не ограничивается рамками одной религии.

3. Дифференциация религиозного языка: соотношение „религиозного языка” и „религиозного стиля”

В каких же отношениях находятся „религиозный язык” и „религиозный стиль”?

Ответ на этот вопрос мы частично находим в работах А. Марковского, Д. Здункевич-Едынак и М. Макуховской, которые допускают разделение языка на язык профанум (светский) и язык сакрум (религиозный), а также предпринимают попытку более детального описания религиозного языка.

В свое время А. Марковски указывал на возможное разделение языка на язык сакрум (религиозный) и язык профанум, а языка профанум – на язык художественный и язык нехудожественный (потребительский) (Markowski 2005).

Д. Здункевич-Едынак, опираясь на теорию А. Марковского, обратила внимание на тот факт, что религиозный язык не однороден, и предложила типологию вариантов, разновидностей, религиозного языка с учетом его центра и периферии. Здесь исследовательница близка к определению И. Баеровой и Я. Пузынины, согласно которому можно говорить о религиозном языке в узком и широком понимании термина.

Центром религиозного языка, – считает Д. Здункеви-Едынак, – является наиболее стабильный стиль книг, признанных во всем мире священными, а точнее возникший на польской почве в многовековой переводческой практике польский библейский стиль. Ближе всего к этому центру находится канонический религиозный язык. Названная разновидность обслуживает публичное культовое поведение, свойственное, например, литургической молитве.

На периферии религиозного языка находятся такие его варианты, как научный (теологические тексты), официально-деловой (юридические и административные документы Церкви), публицистический (религиозные тексты в масс-медиах) и художественный (религиозная поэзия).

Традиционно наиболее удален от стилистического центра религиозного языка разговорный вариант, которому свойственны непосредственные, личные отношения адресант–адресат (например, личная молитва, религиозная песня).

В последнее время появляется еще один вариант религиозного языка, который обслуживает новые жанры евангелизации, имеющие характер рекламы – язык религиозной рекламы (Zdunkiewicz-Jedynak 2008: 108–109).

М. Макуховска в работе *Религиозный язык с точки зрения других вариантов польского языка (Język religijny względem pozostałych odmian polszczyzny)* рассматривает проблему выделения и дифференциации религиозного польского языка. Универсум языка исследовательница делит на религиозный и светский язык. Через религиозный и светский язык проходит деление на разговорный язык, язык художественной литературы, научный язык, публицистический язык и другие языки (Makuchowska 1999: 179). В процессе анализа религиозного языка исследовательница приходит к выводу, что религиозный язык может иметь самостоятельный статус – статус функциональной разновидности в ряду таких, как разговорный язык, язык художественной литературы, научный язык, публицистический язык и другие языки (Makuchowska 1999: 186).

Таблица 1. Дифференциация религиозного языка (М. Макуховска)

религиозный язык	разговорный язык	язык художественной литературы	научный язык	публицистический язык	Универсум языка
светский язык	разговорный язык	язык художественной литературы	научный язык	публицистический язык	

Исследовательница, говоря о религиозном языке, как равноправной функциональной разновидности языка, употребляет как синонимы термины „религиозный язык” и „религиозный стиль”. По нашему мнению, она имеет в виду стили религиозного языка, поскольку религиозный язык не может подразделяться на языки. Религиозный язык может подразделяться на варианты, функциональные стили, жанры и так далее, но не на

языки. Поэтому предлагаем внести некоторые коррективы в систему отношений религиозного языка и религиозного стиля, представленные в предыдущей таблице, и заменить в вертикальных колонках данной таблицы термин „язык” на термин „стиль” и систему функциональных стилей религиозного языка дополнить колонкой „собственно религиозный стиль”. Под собственно религиозным стилем будем понимать то, что Д. Здункевич-Едынак называет „центром” религиозного языка. Позволим себе также предположить, что религиозный язык и светский язык функционируют в тесной связи и в них по-разному отражаются одни и те же явления. Поэтому и стилистическая их дифференциация подобна. Отношения „религиозного языка” и „религиозного стиля” представим в следующей таблице 2.

Таблица 2. Стилистическая дифференциация религиозного и светского языков

религиозный язык (язык сакрум)	разговорный стиль	стиль художественной литературы	научный стиль	публицистический стиль	собственно религиозный стиль	Универсум языка
светский язык (язык профанум)						

Подводя итог сказанному ранее, считаем, что при изучении „религиозного языка” и „религиозного стиля”, следует обратить внимание на характер их взаимоотношений, которые выглядят, по нашему мнению, следующим образом.

1. Весь мир (Универсум) отражается в Языковом Универсуме, который может быть представлен двумя языковыми картинами мира: языковой светской (профанной) картиной мира; языковой религиозной (сакральной) картиной мира. Система средств языковой светской (профанной) картины мира – это язык профанум, или светский язык. Система средств языковой религиозной (сакральной) картины мира – это язык сакрум, или религиозный язык.

2. Окружающий мир может быть описан с использованием двух названных вариантов языков, каждый из которых предполагает „зеркальную” стилистическую дифференциацию.

3. У религиозного языка есть „центр” и „периферия”.

4. Религиозный язык допускает существование различных его вариантов и предполагает стилистическую и жанровую дифференциацию.

5. „Религиозный язык” и „религиозный стиль” соотносятся как общее и частное, подобно тому, как соотносятся язык и стиль. Поэтому в списке функциональных стилей религиозного языка должен находиться „собственно религиозный (литургический) стиль”, описанию которого в современной литературе посвящено достаточно большое количество работ и понятие которого очень часто отождествляют (смешивают) с понятием религиозного языка.

6. Стили и жанры религиозного языка имеют много общего со стилями и жанрами светского языка, но в то же время им присущи свои, специфические, черты (более подробно см.: Гадомский 2012). Безусловно, список стилей может быть изменен или расширен.

7. При описании религиозного языка и религиозного стиля следует учитывать ряд критериев: религиозный, конфессиональный, этноязыковой, стилистический, жанровый, структурный и другие (таблица 3).

Таблица 3. Критерии описания религиозного языка и религиозного стиля

Критерии	Религиозный язык							
Религиозный – религиозная принадлежность	Религиозный христианский (библейский) язык				Религиозный мусульманский (коранический) язык			Другие религиозные языки
Конфессиональный – конфессиональная принадлежность	Православие	Греко-католицизм	Римо-католицизм	Другие христианские конфессии	Суннизм	Шиизм	Другие мусульманские конфессии	
Этноязыковой – языковая принадлежность	Национальные, этнические языки, на которых говорят верующие							
Вариативность / Стилистическая дифференциация	1. Собственно религиозный (литургический) стиль. 2. Официально-деловой стиль. 3. Научный стиль. 4. Публицистический стиль. 5. Разговорный стиль. 6. Стиль художественной литературы.							

Продолжение таблицы 3

Критерии	Религиозный язык
Жанровая дифференциация	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проповедь. 2. Молитва. 3. Поучение. 4. Притча. 5. Исповедь и др.
Подходы (направления к изучению религиозного языка)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подход к изучению религиозного языка как к фрагменту „языковой картины мира”. 2. Кодовый подход к изучению религиозного языка (языковые средства формирования картины мира религии (теонемы)). 3. Стилистический подход к изучению религиозного языка. 4. Жанровый подход к изучению религиозного языка. 5. Дискурсивный подход к изучению религиозного языка. 6. Коммуникативный подход к изучению религиозного языка. 7. Лингводидактический подход к изучению религиозного языка.

Литература

- Бабич Н. Д., 1998, *Проблеми терміновживання і термінотворення в сучасному богословському стилі*. – *Сучасна українська богословська термінологія: від історичних традицій до нових концепцій*: Матеріали Всеукраїнської наук. конференції, Львів, с. 161–167.
- Бугаева И. В., 2005, *Стилистические особенности и жанры религиозной сферы*. – *Стилистика текста*. Межвуз. сборник научных трудов, ред. Е. В. Плисов, Н. Новгород, с. 3–11.
- Бугаева И. В., 2010, *Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития*, автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Москва.
- Василенко Л., 1996, *Краткий религиозно-философский словарь*, Москва.
- Войтак М., 2003, *Религиозный стиль в генологической перспективе*. – *Стереотипность и творчество в тексте*: Межвуз. сб. науч. тр., ред. М. П. Котурова., вып. 6, Пермь, с. 323–338.
- Волков А. А., 2001, *Курс русской риторики*, Москва.
- Гадомский А. К., 2006, *К вопросу о единицах теолингвистики*. – *Восточнославянская филология*. Сборник научных работ, вып 11, часть 1: *Языкознание*, Горловка, с. 11–20.
- Гадомский А. К., 2008, *Размышления о религиозной языковой картине мира*, „Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина”, серия „Этнолингвистика”, Харьков, с. 175–181.

- Гадомский А. К., 2012, *Проблемы изучения религиозного стиля в украинской теологистике*, „Стил”, 11, Београд, с. 125–140.
- Грималовський І. С., 2006, *Мова української духовної поезії XVIII – початку XIX століття*, дис... канд. філол. наук, Чернівці, http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=EC&P21DBN=EC&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M&S21COLORTERMS=0&S21STR=, (дата обращения: 01.09.2016).
- Грицак Є., 1934, *Вплив церкви й релігії на українську мову (Студії з ділянки української лексикографії)*. II *Międzynarodowy Zjazd Słowistów (Filologów Słowiańskich)*. Księga referatów. Sekcja I: „Językoznawstwo”, Warszawa, s. 34–38.
- Дзюбишина-Мельник Н., 1999, *Конфесійний стиль*. – *Najnowsze dzieje języków słowiańskich: Українська мова*, Opole, s. 184–200.
- Ицкович Т. В., 2016, *Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях*, автореф. дис. ... д-ра філол. наук, Екатеринбург.
- Ковалів П., 1964, *Лексичний фонд літературної мови Київського періоду X–XIV ст.*, т. 2: *Запозичення*, Нью-Йорк.
- Крысин Л. П., 1994, *Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка*, „Русский язык в школе”, № 3, Москва, с. 69–79.
- Крысин Л. П., 1996, *Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка*. – *Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур*, Москва, с. 135–138.
- Лук'янчук С. В., 2008, *Епітет у конфесійному стилі сучасної української мови (функціонально-семантичний аспект)*, дис... канд. філол. наук, Київ.
- Макарова С. Г., 2001, *Функциональные стили русского и французского языков (своеобразие научного стиля французского языка)*. – *Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф.* (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): Труды и материалы, ред. К. Р. Галиуллин, Г. А. Николаев, Казань, с. 114–117.
- Мацько Л. І., Сидоренко О. М., Мацько О. М., 2003, *Стилістика української мови*, Київ.
- Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И., 2010, *Толковый словарь библейских выражений и слов*, Москва.
- Німчук В. В., 1999, *Мова сакральних текстів повинна бути зразково літературною*. – *Єдиними устами*, „Бюлетень Інституту богословської термінології та перекладів”, № 3, с. 5–10.
- Осінчук Ю. В., 2008, *Історія богослужбово-обрядової лексики української мови*, дис... канд. наук, 10. 02. 01.

- Піддубна Н. В., 2000, *Формування номенклатури назв релігійних споруд в українській мові*, дис... канд. філол. наук, Харків.
- Прохватилова О. А., 1999, *Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи: монография*, Волгоград.
- Прохватилова О. А., 2006, *Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля*, „Вестник Волгоградского государственного университета”, серия 2: „Языкознание”, вып. 5, Волгоград, с. 19–26.
- Русанівський В. М., Тараненко О. О., Зяблюк М. П. та ін. (ред.), 2004, *Українська мова: енциклопедія*, Київ.
- Сучасна українська богословська термінологія: від історичних традицій до нових концепцій*: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції, Львів, 1998.
- Файзуллина Э. Ф., 2016, *Проповедь как жанр религиозного стиля*, „Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы”. Сборник статей, выпуск 6, Казань, с. 437–443.
- Християнство й українська мова: Матеріали наукової конференції. Київ, 5–6 жовтня 2000 року*, Львів 2000.
- Шевченко Л. Л., 2000, *Конфесійний стиль*. – *Українська мова: енциклопедія*, ред. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін., Київ, с. 252–253.
- Bajerowa I., 1988, *Kilka problemów stylistyczno-leksykalnych współczesnego polskiego języka religijnego*. – *O języku religijnym. Zagadnienia wybrane*, red. M. Karpluk, J. Sambor, Lublin, s. 21–44.
- Bajerowa I., 1994, *Swoistość języka religijnego i niektóre problemy jego skuteczności*, „Łódzkie Studia Teologiczne”, nr 3, s. 11–17.
- Bajerowa I., 1995, *Szanse języka religijnego w świetle kultury masowej*. – *Teologia, kultura, współczesność*, red. Z. Adamek, Tarnów, s. 99–113.
- Bajerowa I., Karpluk M., Leszczyński Z., 1993, *Język a chrześcijaństwo*, Lublin.
- Bajerowa I., Puzynina J., 2000, hasło: *Język religijny. Aspekt filologiczny*. – *Encyklopedia katolicka*, Lublin, t. 8, s. 19–20.
- Bartmiński J., 2001, *Język w kontekście kultury*. – *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin, s. 19.
- Bieńkowska D., 2002, *Polski styl biblijny*, Łódź.
- Bortkiewicz P. ks., Mikołajczak S., Rybka M. (red.), 2009a, *Język religijny dawniej i dziś (w kontekście teologicznym i kulturowym)*, t. 4, Poznań.
- Bortkiewicz P. ks., Mikołajczak S., Rybka M. (red.), 2009b, *Język religijny dawniej i dziś (w kontekście teologicznym i kulturowym)*, t. 5, Poznań.
- Crystal D., 1995, *Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache*, Übers. und Bearb. Der dt. Ausg. von Stefan Röhrich, Campus, Frankfurt a.M.–New York [oryginał: D. Crystal, 1987, *The Cambridge Encyclopedia of Language*, Cambridge University Press, Cambridge–New York–Melbourne], s. 412.

- Gadomski A., 2007, *O kodowym podchoǳe w изучении религиозного языка*, „Prace Filologiczne” LIII, Warszawa, s. 199–206.
- Gajda S., Sobeczko H. J. (red.), 1998, *Człowiek – dzieło – sacrum*, Opole.
- Greule A., Kucharska-Dreiß E., Makuchowska M., 2005, *Neure Forschungen zur Sakralsprache im deutsch-polnische Vergleich. Erträge – Tendenzen – Aufgaben*, „Heiliger Dienst” 2, s. 73–91.
- Karpluk M., Sambor J. (red.), 1988, *O języku religijnym. Zagadnienia wybrane*, Lublin.
- Klemensiewicz Z., 1953, *O różnych odmianach współczesnej polszczyzny*, Warszawa.
- Kreja B. (red.), 1999, *Tysiąc lat polskiego słownictwa religijnego*, Gdańsk.
- Lewicki A., Chlebda W. (red.), 1996, *Frazeologia a religia*, Warszawa.
- Makuchowska M., 2011, *Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego*, Opole.
- Makuchowska M., 1995, *Styl religijny. – Przewodnik po stylistyce polskiej*, red. S. Gajda, Opole, s. 449–471.
- Makuchowska M., 1999, *Język religijny względem pozostałych odmian polszczyzny. – Od Biblii Wujka do współczesnego języka religijnego. Z okazji 400-lecia wydania Biblii ks. Jakuba Wujka*, red. Z. Adamek, S. Koziara, Tarnów, s. 176–189.
- Markowski A., 2005, *Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne*, Warszawa.
- Mikołajczak S., Więclawski T. (red.), 2004, *Język religijny dawniej i dziś*, t. 1, Poznań.
- Mikołajczak S., Więclawski T. (red.), 2005, *Język religijny dawniej i dziś*, t. 2, Poznań.
- Mikołajczak S., Więclawski T. (red.), 2007, *Język religijny dawniej i dziś*, t. 3, Poznań.
- Mistik J., 1992, *Religiozny styl*, „Stylistyka” I, s. 82–89.
- Pałucka I., 2000, *Czy istnieje „język religijny”?*, *Język Polski*, R. 80, z. 3–4, s. 176–184.
- Przyczyna W., Siwek G., 1999, *Język w Kościele. – Polszczyzna 2000. Orędzie o stanie języka na przełomie tysiącleci*, red. W. Pisarek, Kraków, s. 130–149.
- Rospond S., 1985, *Kościół w dziejach języka polskiego*, Wrocław.
- Wierzbička A., 2002, *Co mówi Jezus? Objaśnienia przypowieści ewangelicznych w słowach prostych i uniwersalnych*, Warszawa.
- Wojtak M., 2004, *Styl religijny w perspektywie genologicznej. – Język religijny dawniej i dziś*, red. S. Mikołajczak, T. Więclawski, Poznań, s. 104–113.
- Wojtak, M., 1992, *O początkach stylu religijnego w polszczyźnie*, „Stylistyka” I, s. 90–97.
- Woźniak E. (red.), 2000, *Inspiracje chrześcijańskie w kulturze Europy*, Łódź.
- Zdunkiewicz-Jedynak D., 2008, *Wykłady ze stylistyki*, Warszawa.
- Zeler B., 1999, *Język innych kościołów chrześcijańskich (na przykładzie Kościoła Ewangelicko-anglikańskiego)*. – *Polszczyzna 2000. Orędzie o stanie języka na przełomie tysiącleci*, red. W. Pisarek, Kraków, s. 149–165.

*Solving the problem of the religious language and style
in Slavic teolinguistics*

This paper analyses the notions of “religious language” and “religious style” and attempts to designate their interaction in Slavic teolinguistics. The criteria of description for the religious language and religious style are proposed. The work contains three main parts. In the first part, entitled “Religious style,” the author, based on papers published since the 1990s, analyses the reasoning of Polish, Russian and Ukrainian linguists concerning religious style. In the process of analyzing similarities and differences in approaches, the aforementioned phenomena are compared. The author holds the opinion that religious style is a more functional style of the national language, the emergence of which is related to translations of liturgical texts into national languages. In the second part, entitled “Religious language,” the problems relating to the study of religious language are analyzed. Attention is drawn to the fact that religious language is communicative means between the man and the God, and among believers, in which their own world-image is reflected. The author emphasises that religious language is a universal phenomenon concerning more than one language and more than one religion. This part raises issues of variability, stylistic, and genre differentiation of religious language. In the third part, entitled “Differentiation of the religious language: the correlation between ‘religious language’ and ‘religious style,’” conclusions are drawn stating that the notions “religious language” and “religious style” are not synonymous and are connected to each other as the general and the particular. Religious language, as well as secular language, is unhomogeneous, and reveals the availability of variations and stylistic and genre differentiation. The styles and genres of religious language have a lot in common with the styles and genres of secular language, but at the same time they have their own specific features. In the conclusion, the author presents his own vision of the described problem and proposes the criteria of the integrated description of religious language.

Keywords: teolinguistics, religious language, religious style, interaction of the religious language and religious style.